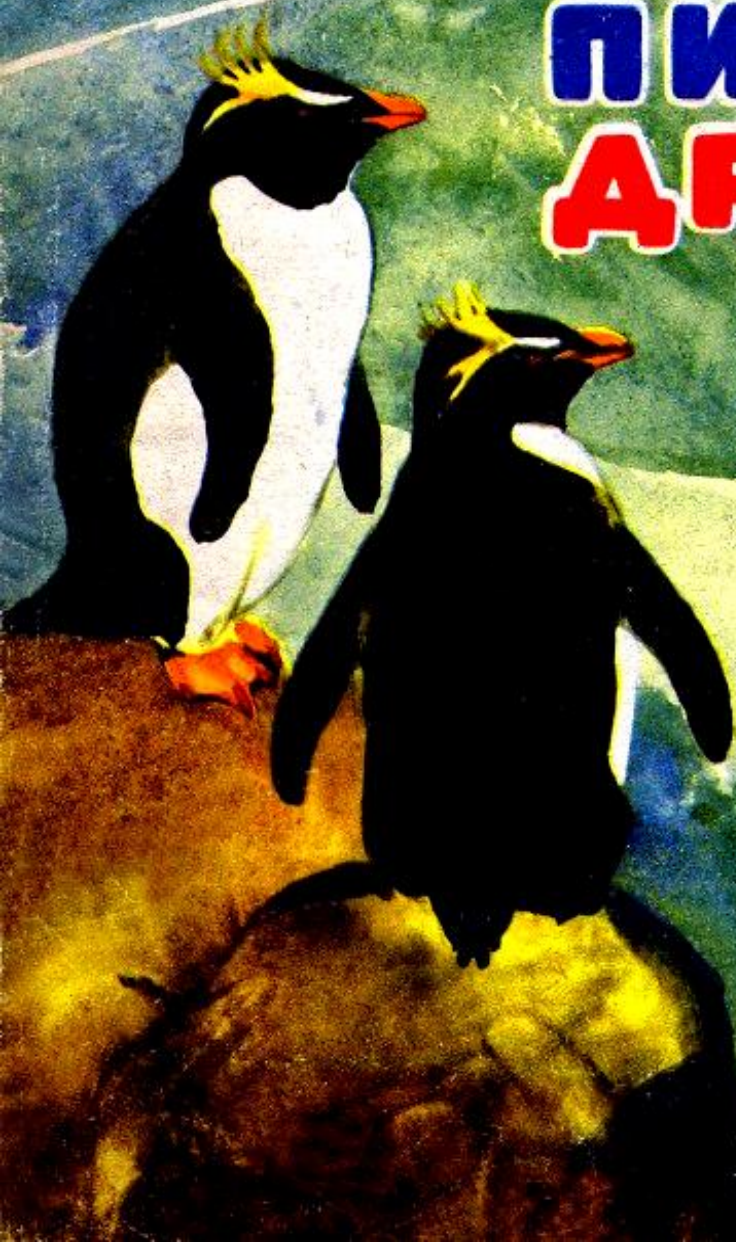

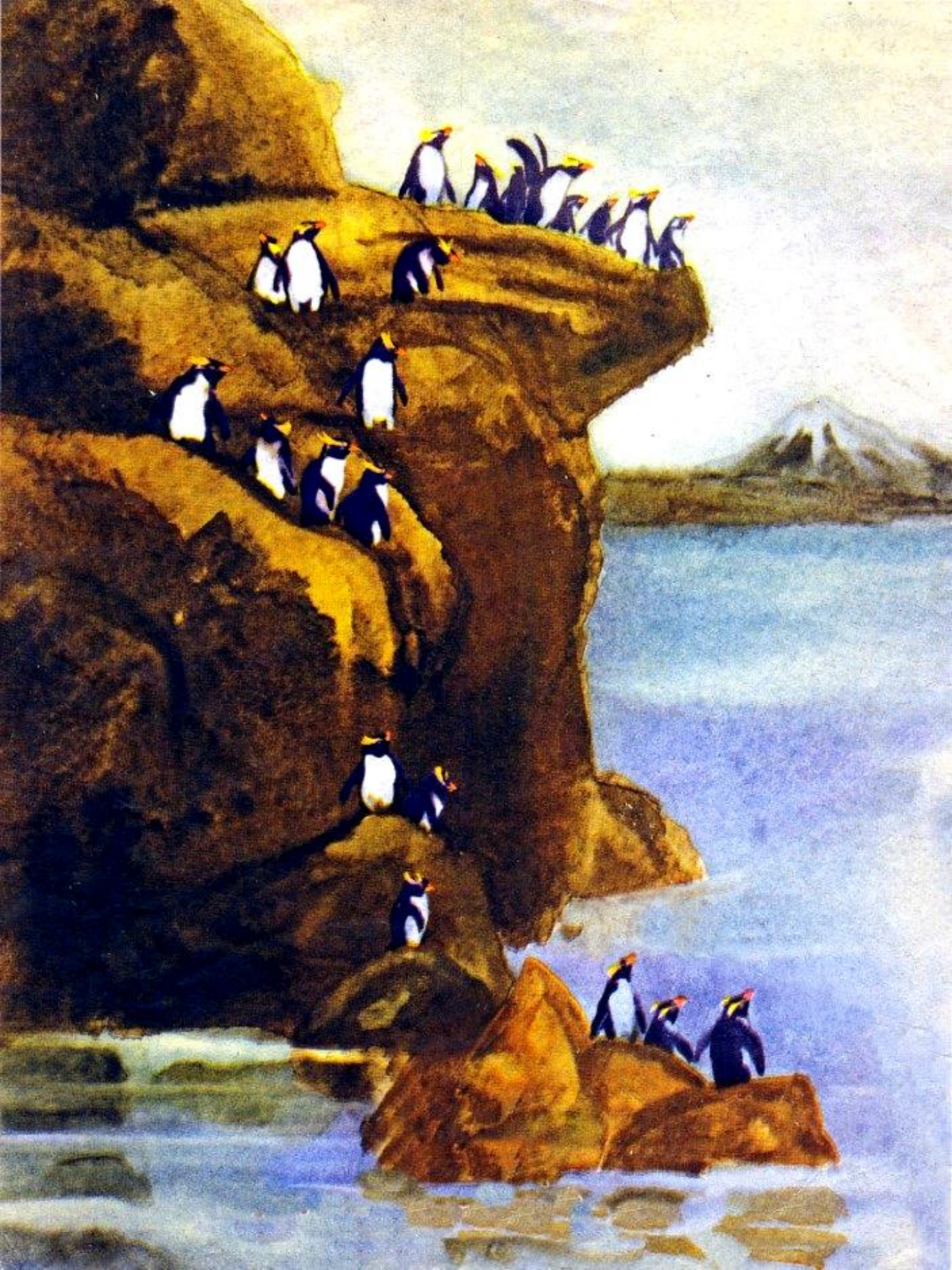

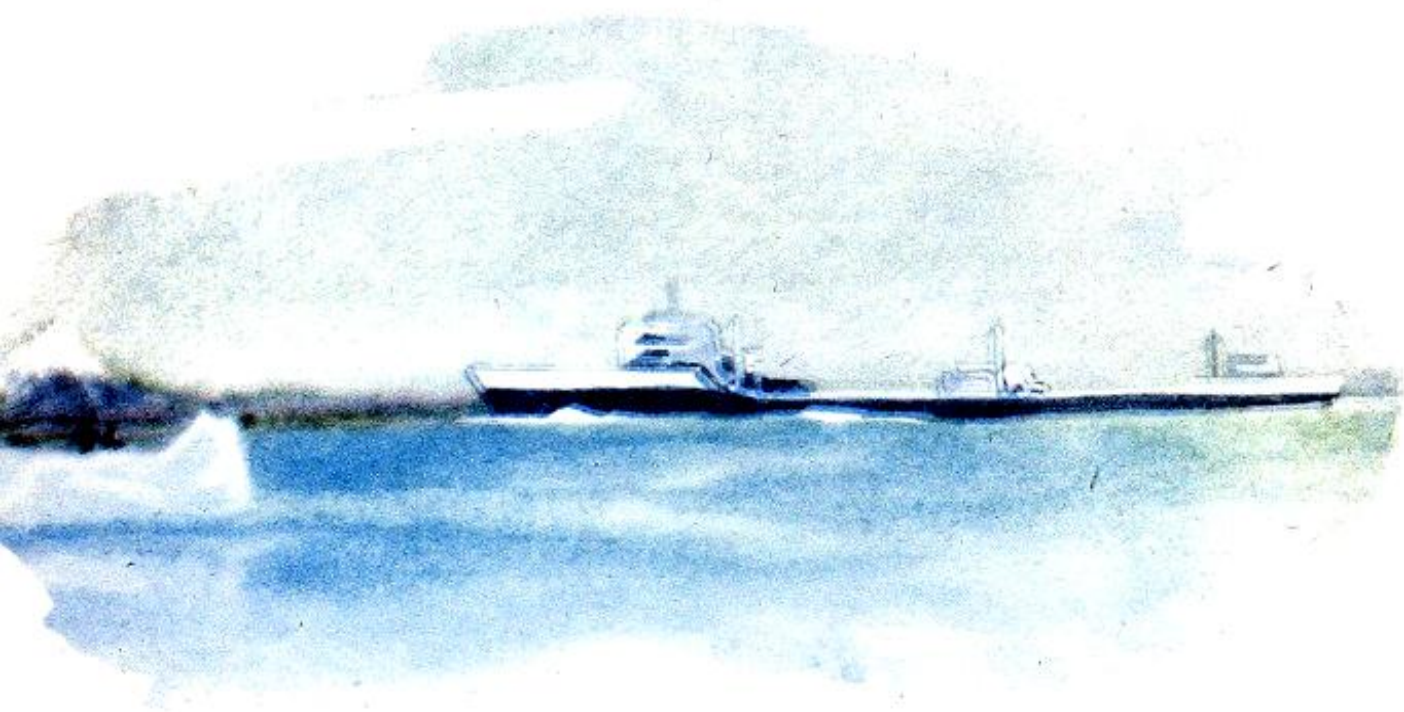
А. Иванченко

ПИНГВИН ДРУЖОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
МОСКВА • 1985

Антарктида — самый холодный материк нашей планеты. Его берега омывают студёные моря. Это — Антарктика.

К берегам далёкого ледяного континента отправляется много судов, которые ведут там научные работы. На одном из таких судов пошёл в плавание и я, чтобы отловить для Ленинградского зоопарка пингвинов.

В Антарктике много разных пингвинов: императорские, королевские, пингвины адели... Есть ещё австралийские, огнеземельские, кергеленские, очковые, пингвины Гумбольдта... Всех не перечесть.

Среди своих братьев золотоволосые пингвины — самые

нарядные. Над глазами у них золотистые хохолки, словно две метёлочки, и, как будто наклеенные, ярко-жёлтые брови. А клюв и глаза—красные. У большинства пингвинов спинки и бока чёрные или грязновато-серые, у золотоволосых—изумрудно-зелёные. А белая грудка кажется шёлковой—такая она гладкая и блестящая.

Красивые пингвины!

Колонию таких пингвинов, в которой я насчитал сотни полторы птиц, мы нашли на островах у северной окраины Антарктики в Атлантическом океане.

Здесь нет ни вечных льдов, ни снега. Но ветры пронизывают до костей. И почти ежедневно хлещет дождь с градом. Неуютно. Голый камень, грохот океана...

Пингвины прячутся от ветра и града в расщелинах при-

брежных скал. Здесь же они и гнездятся. Материал для гнёзд—водоросли им выбрасывает на берег море.

Вся жизнь пингвиной колонии проходит по строгому, словно раз и навсегда заведённому распорядку. Интересно было наблюдать за ними.

Как бы ни бушевала стихия, ранним утром в колонии золотоволосиков, как я ласково назвал этих пингвинов, раздаётся хриплый крик, похожий на крик ослика: «И-а, и-а!»

Это вожак подаёт сигнал вставать и выходить строиться. В колонну по одному.

Ох, до чего же не хочется пингвинам покидать гнёзда! Но вожак, а это, как правило, сильный старый самец, неумолим. Если какой золотоволосик замешкается, сразу: «И-а! И-а!» Мол, живей, живей!

Вот пингвины уже на тропинке. Выстроились в затылок друг дружке, стоят, терпеливо ждут.

Вожак ещё некоторое время медлит, как будто проверяет, все ли в строю. Да, все. Можно отправляться в путь.

Вожак занял своё место впереди.

«И-а! И-а!» — Ша-гом марш!

К морю, на кормёжку...

Так у золотоволосых пингвинов начинается каждый день.

Колонна пернатых подходила к обрыву.

Здесь с гулом и громом разбивался о скалы прибой, я замечал, что пингвинам страшно. Ведь прыгать надо с высоты в добрый десяток метров!

Однако смелый ведь не тот, кто не знает страха. Боязно всем временами бывает. Но если ты храбрец, значит, можешь одолеть свой страх.

Большинство пингвинов так и поступали. Соберутся с духом — раз! — и в море... Но были среди них и не очень решительные. Подойдя к обрыву, они растерянно оглядывались по сторонам и словно просили пожалеть их.

Вожак всегда прыгал последним. Он сердито ворчал: «И-а! И-а!» — это первое предупреждение. «И-а! И-а!» — второе... Ослушаешься — береги спину. А клюв у вожака острый, как наконечник копья.

Пингвины исчезали в kloкочущем рёве прибоя. Казалось, всё — утонули...

Но проходило время, и вот, обычно часа в четыре дня, они начинали выскакивать из моря столбиками, будто огромные летучие рыбы.

То выпрыгивая из воды, то опять пропадая в морской пучине, они поджидали девятый вал — самую крупную океанскую волну и на её гребне неслись к берегу, туда, где под обрывом уступ скалы образовал продолговатую площадку.

На эту площадку гигантская волна швыряла пингвинов с огромной силой. Как они умудрялись удерживаться там, до сих пор не пойму. Уступ скалы шириной в два шага, скользкий, а волна, разбившись о каменную стену, обрушивала на него гору воды и с гулом откатывалась обратно.

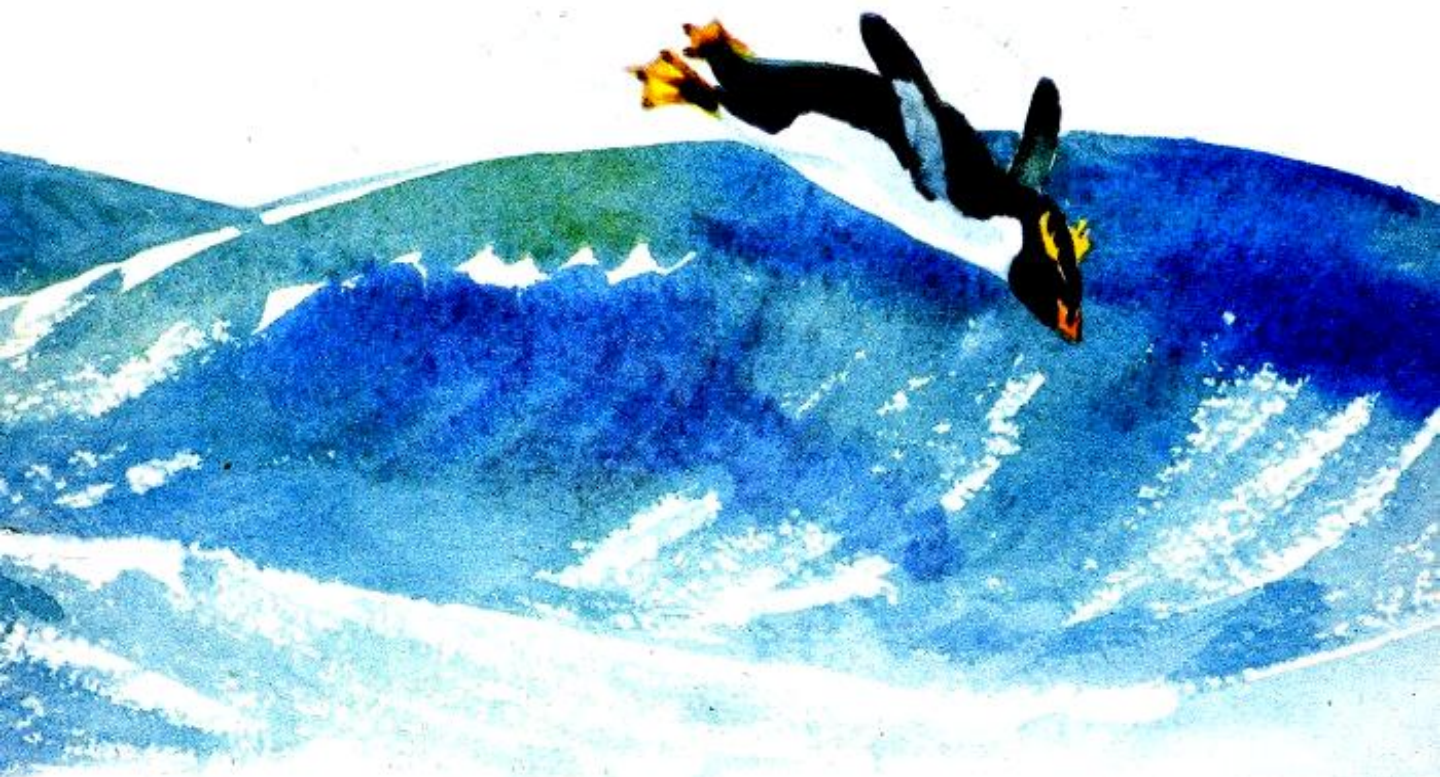
Золотоволосики отряхивались, чистили перья...

Небольшими группами они собирались на площадке и стояли там иногда минут сорок, иногда целый час, ожидая, пока соберутся все. А грохочущие волны грозили смыть их, но не смывали.

И вот, наконец, вместе с последними пингвинами появился вожак.

Теперь надо было вскарабкаться на скалу. Скала почти отвесная, а времени мало, семь-восемь минут. Если водяной вал настигнет на подъёме, тогда не удержишься.

Конечно, тут нужны не только быстрота и сноровка, но и порядок. Чтоб никто друг другу не мешал.

...Вот, окатив скалу, схлынула очередная волна.

«И-а! И-а!..» — Приготовиться!..

Недаром этих пингвинов называют скалолазами. Цепляясь крылышками за еле приметные выступы и трещинки, они словно выплывали на вершину скалы. Ни один пингвин не сорвался, карабкаясь по каменистой крутизне, и нигде не промедлил ни секунды.

Когда опять загредел прибой, все полторы сотни птиц уже поднялись на обрыв.

Вразвалочку, гуськом, шли они по той же тропинке. Прежнего построения вожак сейчас не требовал. Он и сам едва плёлся сзади. Устал.

Я поймал четырёх молодых пингвинов.

Возни с ними было много. На корабле они ничего, кроме рыбы, не хотели есть.

Наш доктор сказал:

— Не морить же птиц голодом! Организуем бригаду рыболовов.

Никаких рыболовных снастей под руками не оказалось. Сами смастерили удочки, крючки.

По вечерам, как только на флотилии заканчивалась работа, несколько моряков бежали на корму рыбачить. Пингвины вроде бы небольшие, сантиметров по семьдесят росту, а каждый в день съедал не меньше килограмма рыбы.

Потом, возвращаясь из Антарктики, мы проходили через тропики. Пингвины к жаре непривычны — страдают. Найдут где-нибудь тень и сидят, нахохлившись, как неживые.

Мы устроили для них на палубе бассейн. Затенили его брезентом, но вода всё равно быстро нагревалась. Наш доктор тут как тут:

— Охлаждать воду нужно! Пусть механики что-нибудь придумают.

Придумали. В рефрижераторном отделении морозили воду и сыпали в бассейн ледовую крошку—сразу вёдер по десять.

В охлаждённой воде трое пингвинов купались охотно и чувствовали себя хорошо. А вот четвёртый вёл себя так, будто от жары погибать собрался. Кинут его в бассейн, а он обратно—на палубу. Раскроет клюв и воздух ртом ловит—дышать трудно.

Тогда для него соорудили холодный душ. Душ пингвину понравился. Кому-то пришло в голову научить пингвина звонить в колокольчик, который укрепили на бочке.

Когда вода в бочке кончалась, пингвин с недоумением поглядывал вверх: «Что такое, почему не льётся?» Потом начинал сердито хлопать крылышками и кричать, как его

вожак: «И-а, и-а!» Но бочка от этого, разумеется, не наполнялась.

Вот тут матросы и стали приучать его дёргать привязанную к колокольчику верёвочку. Если колокольчик звенел, бочку водой и льдом наполняли, если не звенел—оставляли пингвина без душа. Как он ни сердился—холодного дождя не было.

В конце концов пингвин понял: нужно подёргать верёвочку. И скоро он так наловчился, что не давал нам покоя. Вдруг среди ночи, если только светлолуние, поднимает такой трезвон, что разбудит весь экипаж. Не перестанет звонить, пока не забудет душ.

Неугомонного звонаря называли Дружком. Все его полюбили. Бывало, трезвонит Дружок, а моряки вокруг хохочут:

—Ну артист, вот артист! Прямо как в цирке!

Я говорил им, что специалисты считают так: цирковой дрессировке поддаются только пингины Гумбольдта. Все же остальные пингины породы для этого не пригодны—сообразительности не хватает.

—Ну да, не хватает!—с обидой отвечали моряки.—Поизи другого такого умницу, как наш Дружок!

И, не спросив моего согласия, послали радиogramму знаменитому дрессировщику Владимиру Григорьевичу Дурову, чтобы он встречал нас в Одессе. Везём, мол, антарктического артиста.

Дуров в Одессу приехал, посмотрел на Дружка и на остальных пингинов и сказал решительно:

—Беру всех!

—То есть как берёте?—запротестовал я.—Это мои пингины. Меня ждут с ними в Ленинграде.

—Не волнуйтесь,—сказал Владимир Григорьевич,—с Ленинградским зоопарком мы поладим. Вы привезёте им из следующего рейса других.

И вот, спустя несколько месяцев, когда мы снова плавали по морям студёной Антарктики, на имя нашего капитана пришла радиограмма:

«Сердечно благодарю за прекрасных золотоволосиков. Вчера дали первое представление в цирке. Работали превосходно. Дружок выше всех похвал, талантище! Владимир Дуров».

Так в советском цирке впервые появились необычные артисты — золотоволосые пингвины из Антарктики. На арене они под музыку танцевали вальс, по команде дрессировщика прыгали с вышки в бассейн, играли в мяч, а Дружок к тому же не забыл свою корабельную выучку — в конце представления звонил в колокольчик, требуя в награду за труды холодный душ. Эту награду он получал обязательно.

15 коп.

для дошкольного возраста
Александр Семёнович Иванченко
Пингвины Дружок
Художник П. Панченко

Редактор Н. Сендерова. Художественный редактор О. Велерников. Технический редактор Т. Шептеева. Корректор И. Пьянкова. Слово в набор 15.10.80. Подписано в печать 18.05.83. 60×90/8. Офс. М. 1. Гарнитура журн./рубл. Печать офс. Усл. печ. л. 2. Усл. кр. отт. 8,0. Уч.-изд. л. 1,70. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1173. Заказ № 1971. Цена 15 коп. По оригиналам издательства «Малыш» 101463, Москва, Вузырский вал, 98. Московская типография № 6 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул. 24.

И 4803010102—111 без объявл.
М102(03)—83

© Издательство «Малыш» 1983

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя